

А.А. Федотов

Доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»

Развитие империализма в XIX – начале XXI вв.

В статье анализируются процессы, связанные с развитием империализма в XIX – начале XXI вв. Отмечается, что многие из процессов, происходящих в современной экономике и геополитике, имеют более чем столетнюю историю развития.

Ключевые слова: империализм, империя, история, США, глобализация, политика, экономика.

Многие из процессов, происходящих в современной экономике и геополитике, имеют более чем столетнюю историю развития. В своей книге «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин писал: «Описывая, под живым впечатлением англо-бурской войны, связь империализма с интересами «финансистов», рост их прибылей от подрядов, поставок и пр. Гобсон писал: "направителями этой определенно паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта". Двойного рода обстоятельства ослабляли, по мнению автора, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов» [5; с. 400].

В.И. Ленин цитировал Д.А. Гобсона: «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельче-

ских и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии»[5; с. 401]. «Все большая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства и идет под спорт, под забаву для богачей. <...> На одни только скачки и охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов. Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона. Процент производительного населения понижается» [5; с. 403].

Их современник Освальд Шпенглер в своей книге «Конец западного мира» писал об угрозах, которые несет развитие общества потребления: «С ростом городов жизнеобеспечение становится все более изощренным, утонченным, запутанным. Городской рабочий в императорском Риме, Дамаске Гаруна ар-Рашида и в сегодняшнем Берлине воспринимает как само собой разумеющиеся многие блага, которые показались бы сумасбродной роскошью богатому крестьянину в глубинке. Однако этих благ трудно достичь, а еще труднее в них утвердиться: объем трудозатрат во всех культурах колоссально возрастает, так что в начале всякой цивилизации возникает перенапряженная по интенсивности, а значит постоянно грозящая крахом экономическая жизнь, из-за чего ее нигде невозможно поддерживать длительное время» [9; с. 942-943]. Можно сравнить эти слова с тезисом президента Горбачев-фонда в США Д. Гаррисона, написанным почти через столетие: «Растущее неравенство между богатыми и бедными, подчеркивае-

мое текущей политикой управления экономической глобализацией, с точностью копируется в растущем неравенстве между изысканностью потребительских товаров и цен, которую планета вынуждена платить за обеспечение столь расточительного образа жизни для ничтожного меньшинства богатых потребителей» [2; с. 50].

Для понимания политических и экономических процессов, происходивших в начале XX столетия, большой интерес представляют наблюдения Н.И. Бухарина: «Уже самый поверхностный взгляд на экономическую жизнь обнаруживает необычайную связанность самых различных частей земного шара. Это проявляется, прежде всего, в факте *мировых цен и мирового рынка*. Высота цен не определяется теперь, вообще говоря, только теми издержками производства, которые свойственны данному локальному или «национальному» производству. В громадной степени эти «национальные» и локальные особенности выравниваются в общей равнодействующей мировых цен, которые давят в свою очередь на отдельных производителей, отдельные страны, отдельные территории. <...> Гигантские биржи крупнейших городов ежедневно регистрируют изменение мировых цен, централизуя известия со всех концов земного шара и учитывая, таким образом, мировой спрос и мировое предложение» [1; с. 25]. Как отмечал Н.И. Бухарин, «...там, где в силу особо сложившихся исторических условий сохранилась в значительной степени старолиберальная система свободной торговли, где с другой стороны, государственная территория достаточно велика, – в таких случаях наряду с завоевательной политикой выступает стремление к соединению разрозненных частей государственного тела, к слиянию колоний с метрополией, к образованию громадной единой «империи» с общей таможенной стеной» [1; с. 57].

«Перепроизводство товаров, связанное с ростом крупных предприятий, экспортная политика картелей и сужение рынков сбыта, в связи с колониальной и таможенной политикой капиталистических держав; <...> громадный экспорт капитала и экономическое подчинение целых областей «национальным» банковым консорциумам – доводят до последней степени противоречия между интересами «национальных» групп капитала. Здесь эти группы находят последний аргумент в силе и мощи своей государственной организации и, прежде всего, своих армии и флота. Могущественная государственно-военная

власть – последний козырь в борьбе «державных». Боевая способность на мировом рынке зависит, таким образом, от силы и сплоченности «нации», ее финансовых и военных ресурсов. Самодовлеющая государственно-национальная и хозяйственная единица, безгранично расширяющая свою силу вплоть до мирового царства – таков идеал, построенный финансовым капиталом» [1; с. 73].

Интерес представляют мысли Н.И. Бухарина об империализме, как такой организационной форме управления, которая уничтожит капитализм в форме свободного рынка и конкуренции в рамках борьбы за рынки и власть крупных монополий; при этом, по его мнению, появление империализма – это предпосылка появления социализма: «Империализм есть политика финансового капитализма, т.е. капитализма высокоразвитого и предполагающего известную, и притом весьма значительную степень производственной *организации*. Другими словами, империалистская политика самим своим существованием говорит, что созрели объективные предпосылки социализма» [1; с. 86]. «Мирное соперничество, соответствовавшее эпохе свободной конкуренции и отсутствию какой бы то ни было организации производства внутри страны, абсолютно немыслимо в эпоху совершенно иной производственной структуры и борьбы общественно-государственных трестов. Эти интересы настолько велики для финансово-капиталистических клик и настолько связаны с основами их существования, что правительства не останавливаются перед колоссальнейшими военными издержками, чтобы только обеспечить себе устойчивое положение на мировом рынке. Особенно нелепа мысль о «разоружении» в пределах капитализма для тех государственно-капиталистических трестов, которые занимают передовые позиции на мировом рынке» [1; с. 91-92].

В своей работе, опубликованной в 1915 году, Н.И. Бухарин писал о неизбежности не только первой мировой войны, которая уже шла, но и второй, до начала которой была почти четверть века: «...конкретный процесс экономического развития пойдет через обостренную борьбу государственно-капиталистических трестов и отсталых экономических образований. Неизбежен ряд войн. В историческом процессе, который предстоит нам в ближайшем будущем, мировой капитализм будет идти *по направлению* ко всеобщему государственному тресту через поглоще-

ние слабых. Кончится эта война – предстоит «разрешение» мечом новых проблем <...> ...всякое соглашение или консолидация будут лишь воспроизводить кровавую борьбу в новом масштабе. <...> Борьба малых (малых!) государственно-капиталистических трестов сменится борьбой еще более гигантских» [1; с. 90-91].

В отличие от утверждений В.И. Ленина и Н.И. Бухарина, Освальд Шпенглер прямо заявлял, что рабочий класс не является актором в происходящих процессах мирового переустройства: «...в плане экономическом никакого "рабочего класса" нет: его изобрели теоретики, имевшие перед глазами свойственное как раз переходному периоду положение фабричных рабочих в Англии, почти лишенной крестьянства промышленной стране, и распространившие эту схему на все культуры и все эпохи, пока политики не сделали ее средством для создания партий. Реально же существует необозримое количество чисто исполнительской деятельности в цеху и в конторе, машбюро и корабельном трюме, на проселках и в шахтах, на лугу и в поле. Во всем, что с ними связано – вычислениях и погрузке, разноске и ковке – достаточно часто отсутствует то, что придает жизни помимо простого ее поддержания достоинство и привлекательность, какие бывают сопряжены с сословными задачами офицера и ученого или же персональными успехами инженера, администратора или купца, однако между собой все эти категории абсолютно никак не сопоставимы. Дух и тяжесть работы, ее местонахождение в деревне или же в крупном городе, объем и степень напряженности работ позволяют батраку и банковскому служащему, кочегару и портновскому подмастерью жить в совершенно разных экономических мирах, и, повторю, лишь партийная прослойка очень поздних периодов соединила их в единый протестующий союз, чтобы воспользоваться их массой» [9; с. 945].

Угрозу для человечества О. Шпенглер видел, в том числе, и в развитии техники до уровня, когда она все более выходит за рамки понимания среднего человека: «...машины делаются все более обезличенными по своему образу, становятся все аскетичнее, мистичнее, эзотеричнее. Они опоясывают Землю бесконечной тканью тонких сил, потоков и притяжений. Их тела становятся все духовнее, все безмолвнее. Эти колеса, цилиндры и рычаги больше не разговаривают. Все самое важное прячется внутрь. Машина воспринималась как что-то дьявольское и не

напрасно» [9; с. 968]. Он предсказывал рост значения в этих условиях инженерных работников: «...инженер, наделенный знанием жрец машины, о котором, как правило, забывают в пылу политической борьбы. Не только высота подъема, но само *существование* индустрии зависит от существования сотни тысяч одаренных, вышколенных умов, господствующих над техникой и постоянно развивающих ее дальше» [9; с. 969].

Империализм рубежа XIX-XX веков на пути к созданию единого всемирного государства или на первом этапе единого мирового экономико-политического пространства, привел к двум мировым войнам и серии революций, разрушившим прежний общественный уклад, унесшим десятки миллионов человеческих жизней. Причем необходимо отметить, что согласно диалектическому закону о единстве и борьбе противоположностей, кажущиеся антиподы разными путями шли к единой цели – созданию всемирного глобального тоталитарного государства. И основа этого глобального государства – олигархия. Больше ста лет назад Джон Гобсон писал: «Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников? <...> Империализм нужен мистеру Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна и Швабу и их союзникам, и они взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм потому, что они хотят использовать народные средства для выгодного помещения своих капиталов, которые при других условиях оказались бы праздным избытком» [3; с. 64, 77]. Больше ста лет прошло со времени написания книги, но этот тезис по-прежнему актуален.

Человечество с древнейших времен знает такую форму государственного устройства, как империю, объединяющую в своих границах государственные образования с разным уровнем культурного, политического и экономического развития. Многие из завоевателей Древнего мира мечтали о создании всемирной империи. Но лишь к началу XX века появились исторические и экономические предпосылки для реальной возможности ее создания.

В XX веке можно выделить 3 основных попытки создания всемирных империй:

1. Британская империя;
2. Государство всемирной диктатуры пролетариата (с центром в Советской России);

3. Гитлеровская Германия.

Каждая из них имела свои особенности. Особый интерес представляет четвертая попытка – США.

После окончания гражданской войны между Севером и Югом процессы монополизации экономики усилились, представители олигархии начали заявлять права не только на власть, но и на безусловный моральный авторитет: «Вопрос о трестах волновал все слои общества в США. Жертвы призывали обуздать монстров современного мира, адвокаты монополий связывали с ними весь прогресс человечества. И миллиардерам не был чужд дух диспута. В статье «Евангелие богатства» (1886) сталепромышленник Э. Карнеги убеждал массы американцев, что растекшееся по карманам мелких предпринимателей золото бесполезно для общества, тогда как объединенное в одних руках оно послужит основой меценатства, будет покровительствовать моральному и идейному прогрессу. Классовый

вопрос разрешится, когда миллионеры получат возможность планомерно финансировать все духовное развитие общества: создавать библиотеки, строить храмы науки и религии и т.п. "Таким образом индивидуализм сохранится, а миллионер станет лишь доверенным лицом бедняков", – писал Э. Карнеги» [7; с. 75].

Преодолевшие последствия гражданской войны Соединенные Штаты начинали претендовать на всемирное геополитическое значение: «В июне 1897 года, выступая на выпуске военно-морских офицеров в Ньюпорте, Теодор Рузвельт обрушился на "разлагающуюся" от достатка нацию, "ленивую, робкую, громоздкую, легкую добычу любого народа, который все еще сохраняет самые ценные из всех качеств – достоинства воинов". Не надо опасаться "излишнего развития духа воинственности, опасность следует искать как раз в противоположном". Рузвельта и его единомышленников мало трогали абстрактные, универсальные принципы ранних идеологов американской буржуазии. Джефферсон со своими требованиями справедливого порядка между людьми и мирных отношений между нациями казался уже ограниченным фантазером ушедшей в небытие аграрной Америки. <...> Недостойны сильных людей, с пафосом утверждал Рузвельт, мелкие заботы о маленькой справедливости и о ничтожных деталях, когда речь идет о громадном мировом переустройстве» [7; с. 84].

Первая мировая война «превратила США из должника европейских государств в кредито-

ра, способствовала быстрому индустриальному развитию североамериканского колосса. Прежде незначительные вооруженные силы США достигли уровня сил наиболее мощных европейских держав. Складывалась новая традиция – впервые в Белом доме стали рассматривать глобальные политические вопросы. На президентство Вудро Вильсона (1912-1920 гг.) выпадает переход США со второстепенных на передовые роли в мировой политике. Когда президент Вильсон принимал присягу, в зоне видения американской дипломатии были Латинская Америка и Филиппины как «предполье» Азии. Когда же он покидал Белый дом, американская государственная машина активно участвовала в дипломатических процессах на пяти континентах» [8; с. 6].

«Выход Америки на мировую арену в 1917 году был масштабным явлением новейшей истории, и современные американские историки согласны между собой в том, что "главные контуры современной американской внешней политики были решающим образом определены идеологией и международной программой, разработанной администрацией Вильсона в 1917-1919 годах". <...> И идейные противники Вильсона и его апологеты отмечают в качестве главной черты этого периода "интенсификацию моральной и экономической экспансии Америки", то есть ясное и определенное стремление к глобальному доминированию» [8; с. 8].

Даже воспевавший Соединенные Штаты, как «Царство Света» президент Горбачев-фонда в США Джим Гаррисон не мог не отметить того, что «"Изнутри" переход от республики к империи почти всегда происходит за счет свободы. Власть и свобода антагонистичны и не могут сосуществовать мирно. Свобода требует ограничения власти; власть же требует отказа от свободы. Это то, за что древние афиняне и римляне дорого заплатили в прошлом: демократия была жертвой в их империях. Американцы должны учесть этот опыт и горькую правду. Американские свободы не дарованы навечно, их нужно в каждом поколении и при каждом стечении обстоятельств заново переоценивать и сохранять. Свободу потерять намного легче, чем получить, особенно если использовать ее для достижения большей власти» [2; с. 7].

При этом, по утверждению известного американского политолога Майкла Паренти, «...среди различных представлений об империализме, существующих сегодня в Соединенных

Штатах Америки, господствующее состоит в том, что империализма больше не существует. <...> Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам «империализм» не является предметом академического образования. Многие народы мира обвиняют Соединенные Штаты в том, что они являются империалистической державой. В самих США людей, рассуждающих об американском империализме США, считают напыщенными идеологическими болтунами» [6; с. 13].

По мнению Майкла Паренти «империализм старше капитализма. Империи Персии, Македонии, Рима и Монголии существовали на протяжении столетий до империй Ротшильдов и Рокфеллеров. <...> Капиталистический империализм отличается от этих более ранних форм тем, что он систематически накапливает капитал путем организованной эксплуатации труда и проникновения на зарубежные рынки. Капиталистический империализм производит инвестиции в экономику других стран, доминирует в их культуре и политической жизни и интегрирует тем самым их производственные структуры в международную систему накопления капитала» [6; с. 13-14]. Как он пишет, «...если давать оценку размеру финансовых инвестиций и вооруженным силам Соединенных Штатов, если оценивать каждый признак империализма, за исключением прямой колонизации, империя США является самой потрясающей империей в истории, гораздо большей, чем Великобритания в XIX веке или Рим во времена античности» [6; с. 56].

Он дает характеристику современного американского империализма: «Империализм создал то, что я назвал «неправильным развитием»: современные офисные здания в столицах – вместо жилья для бедных, косметологические хирургические клиники для богатых – вместо больниц для рабочих, экспорт зерновых культур для агробизнеса – вместо продовольственных товаров для местных рынков, магистрали, идущие от рудников и поместий до перерабатывающих заводов и портов, – вместо сельских дорог в глуши для тех, кто надеется посетить доктора или учителя. Богатство перемещается из стран «третьего мира» в страны, где живет экономическая элита <...> посредством прямого грабежа, экспроприации природных богатств, обложения разоряющими налогами и земельной рентой, вы-

платой нищенской заработной платы, принудительного импорта готовых изделий по непомерно высоким ценам. В колониальной стране не допускается свобода торговли и возможность разрабатывать собственные природные богатства, развивать рынки и производственные мощности» [6; с. 24-25]. «Вместо прямой колонизации путем установления имперской власти слабым странам дарованы атрибуты суверенитета, тогда как финансовый капитал Запада продолжает сохранять контроль над львиной долей приносящих прибыль ресурсов этих стран» [6; с. 29].

«В результате установления низкого уровня заработной платы, невысоких налогов, отсутствия льгот работникам из-за слабости профсоюзов, а также в связи с отсутствием систем охраны труда и защиты экологии – прибыль американских корпораций в странах «третьего мира» на 50% выше, чем в развитых» [6; с. 15]. «Поставленные в неблагоприятные торговые и инвестиционные отношения, страны «третьего мира» посчитали целесообразным брать большие займы в банках Запада и у Международного валютного фонда (МВФ), который контролируется США и другими западными странами-членами. К 1990-м годам задолженность стран «третьего мира» приблизилась к 2 трлн. долл. – такая сумма не может быть погашена этими странами. Чем больше задолженность страны, тем больше на нее оказывается давления, чтобы она взяла в долг еще большие суммы на покрытие дефицита, часто по более высоким процентным ставкам и при более сжатых сроках возмещения. <...> В начале 1983 года проценты, полученные иностранными банками от долгов стран «третьего мира», превзошли в три раза прибыль банков от прямых инвестиций в эти страны. Если еще больше заострить проблему, то национальная валюта бедных стран обесценена. Как заметил экономист Арджун Махиджани, существующие сегодня валютные курсы между процветающими и бедными странами не устанавливаются на основе сравнения производительности и покупательной способности, а искусственно поддерживаются западными финансовыми центрами для того, чтобы обесценить доходы народов "третьего мира"» [6; с. 35-36].

Интересна образная характеристика, которую Майкл Паренти дает значению американской военной машины в процессе развития американского империализма: «Некоторые критики приводили доводы о том, что экономические факторы не оказывали важного влияния на ин-

тервенционистскую политику США, так как большая часть интервенций производилась в странах, которые не имели больших природных богатств и в них нет больших капиталовложений США, как в Гренаде, Сальвадоре, Никарагуа и Вьетнаме. Это то же самое, что говорить, что полиция особенно не заботится о защите богатств и частной собственности, потому что большая часть их силовых действий проходит в бедных районах. Интервенционистские силы не идут туда, где капитал существует как таковой; они идут туда, где капитал находится под угрозой. Они, например, не вторгались в зажиточную Швейцарию, потому что капитализм в этой стране находится в относительной безопасности и его положение никем не оспаривается. Но если левые партии придут к власти в Берне и попытаются национализировать швейцарские банки и основную собственность, это, скорее всего, привлечет пристальное внимание со стороны западных промышленных держав» [6; с. 65].

При этом, по утверждению политолога, американская военная экспансия происходит в интересах не американского народа, а олигархии, по сути своей транснациональной: «Когда Вашингтон говорит, что мы должны защищать свои интересы за границей, следует задать себе вопрос, а все ли мы имеем там свои интересы. Дальние страны, о существовании которых большинство американцев раньше и не подозревало, внезапно становятся жизненно важными для «наших» интересов. Чтобы защитить «нашу» нефть на Ближнем Востоке и «наши» ресурсы и «наши» рынки, наши дочери и сыновья должны участвовать в рискованных военных операциях за рубежом, а наши налоги нужны для финансирования этих мероприятий. Когда в следующий раз наша нефть окажется в опасности на Ближнем Востоке, мы должны не забывать о том, что мало кто из нас владеет нефтяными акциями» [6; с. 69].

«Американский народ не может рассматриваться в качестве движущей силы военной политики, — оказывает ли он поддержку или выступает против какой-либо интервенции. Он не вынуждает своих лидеров вступать в войну на волне народной истерии. Дело обстоит иначе. Американские лидеры обманывают его и используют самых худших из его рядов. Даже в этом случае сотни тысяч граждан оказывают активное сопротивление и миллионы граждан правильно подозревают, что такие рискованные мероприятия проводятся не в их интересах» [6; с.

76-77]. «Империя все больше истощает республику. Расходы глобального милитаризма могут стать настолько обременительными, что подорвут общество, которое поддерживает его, как это и происходило с империями в прошлом» [6; с. 88].

Майкл Паренти писал: «Некоторые люди отвергают критику, называемую «теорией заговора». Они не верят, что политики могут иногда лгать и могут не говорить о скрытых намерениях в интересах влиятельных кругов. Они настойчиво утверждают, что, в отличие от нас остальных, богатые и могущественные не действуют с заранее обдуманном намерением. Согласно этой точке зрения, внутренняя и внешняя политика представляет собой не более чем ряд невинных случайностей, которые не имеют ничего общего с защитой состоятельных кругов. Безусловно, это то впечатление, которое хотят создать официальные лица» [6; с. 210]. Здесь можно отметить, что при всей неоднозначности книги Д. Колемана «Комитет трехсот» некоторые из ее образов также заслуживают внимания: «люди живут в глубоком мраке, по большей части совершенно не беспокоясь о том, куда же движется их страна и, пребывая в твердом убеждении, что с ней никогда ничего не случится. Именно такая жизненная позиция была воспитана у большей части населения» [4; с. 9]; «"Римский клуб" - это официальное прикрытие организации заговорщиков, представляющей собой союз англо-саксонских финансистов и старых семей "Черной Аристократии" Европы, особенно так называемой "аристократии" Лондона, Венеции и Генуи. Секрет их успешного управления миром заключается в том, что они способны создавать управляемые экономические спады и депрессии» [4; с. 26]; «...иррациональность была возведена до высшего уровня общественного сознания. Манипуляторы стали играть на этом, чтобы ослабить у людей чувство реальности, определяющее их действия в любой ситуации. Чем более сложными становились проблемы современного индустриального общества, тем легче становилось во все большей степени отвлекать и перенаправлять сознание людей, в результате чего мы оказались в такой ситуации, когда абсолютно немотивированные мнения массы людей, созданные изощренными манипуляторами, начинали восприниматься как объективные научные факты» [4; с. 237-248].

Воспевавший США Джим Гаррисон писал: «Это самое современное воплощение наиболее

древнего поиска человечества – неограниченной власти через абсолютное знание – подверженное искусам и стоящее перед выбором между господством и подчинением» [2; с. 70]. «Лига Наций была создана из пепла Первой мировой, Организация Объединенных Наций – из пепла Второй мировой войны. Вызов для США сегодня – опираясь на эти достижения, взять на себя лидерство в создании новой системы глобального управления» [2; с. 248]. «Американское лидерство на данном этапе имеет решающее значение – Америка объединяет свой Свет и свою силу таким образом, что институты интеграции и механизмы, необходимые для эффективного управления глобальной системой «наполняются» тем самым видом радикальной демократии, с которой родилась сама Америка» [2; с. 249].

В реальности же США не только не улучшает жизнь в тех странах, на которые распространяется американское влияние, но и не может решить социальные проблемы, стоящие перед своими гражданами: «При государственном корпоративном капитализме <...> рядовой гражданин платит за большинство услуг дважды. Во-первых, как налогоплательщик, который обеспечивает все эти субсидии и средства, а затем – как потребитель, который покупает товары и услуги по завышенной цене. Налоги как общественные расходы используются для перераспределения благосостояния в направлении вверх» [6; с. 220]. «Считается, что щедрые налоговые привилегии должны стимулировать новые инвестиции и создавать новые рабочие места. На самом деле фирмы, выплачивающие сейчас меньшие налоги, к тому же и сокращают у себя рабочие места. Гораздо вероятнее, что большая налоговая привилегия превращается в неожиданно свалившиеся на голову деньги, в более высокие дивиденды для акционеров, т в более высокие зарплаты руководству фирмы. Наличие большого количества денег само по себе не является стимулом для инвестиций, если покупательная способность трудящегося населения остается низкой» [6; с. 223].

Интересны мысли Майкла Паренти о двух уровнях, существующих в американской политике: «Следует рассматривать американскую политику как двойственную систему. С одной стороны, существуют выборы, политические деятели, публичные заявления и небольшое число вопросов, которые побуждают должностных лиц

действовать и завоевывать мимолетное внимание средств массовой информации. Об этой системе говорят в школах, она анализируется преподавателями высших заведений и обсуждается политическими обозревателями. С другой стороны, существует система принудительной государственной власти, которая используется для защиты господствующей структуры политической экономики, а именно – национальных и международных интересов финансового капитала. Этому не учат в школах, эта система не обсуждается в прессе. Официозные комментаторы, кажется, вообще об этом никогда не слышали» [6; с. 186].

Свидетельством того масштаба, который приобрели описываемые американским политологом процессы к настоящему времени, являются последние президентские выборы в США и победа на них Дональда Трампа, а также та ожесточенная внутривнутриполитическая борьба, которая ни на день не прекращается в Соединенных Штатах после этой победы. Мир после 2014 года вновь перестал быть однополярным, но далеко не все представители транснациональной политической и экономической элиты готовы принять эту реальность; следствием этого является нарастание мировой напряженности, приобретающее все более угрожающий характер.

Библиографический список:

1. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
2. Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. М., 2009.
3. Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927.
4. Колеман Д. Комитет трехсот. М., 2011. С. 9.
5. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Том 27. М., 1962.
6. Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006.
7. Уткин А.И. Теодор Рузвельт. Политический портрет. Свердловск, 1989.
8. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.
9. Шпенглер О. Закат западного мира. М., 2010.

©Федотов А.А., 2019